

— Он всегда так молчит? — поинтересовался Лян Цзюньцзы у человека рядом.

— Он вообще не разговаривает с людьми, — ответил тот, подумав, и добавил:

— И мы с ним тоже не общаемся.

Лян Цзюньцзы наклонился и мягко обратился к Гао Цюню:

— Гао Цюн, будь послушным. Я не хочу применять к тебе лекарства.

Гао Цюн отвернулся, не обращая на него внимания.

Его волк выскочил наружу, оскалив зубы и громко зарычал на Лян Цзюньцзы.

Тот остался невозмутим, продолжая говорить спокойным голосом:

— Если ты не сделаешь этого, они все умрут. Если все пройдет успешно, они смогут выжить. Ты ведь добрый человек, разве можешь допустить, чтобы кто-то погиб из-за тебя?

Едва он закончил, Гао Цюн внезапно ударил его кулаком прямо в левый глаз.

Лян Цзюньцзы вскрикнул от боли и упал на пол. Он тут же снял очки, но линзы уже разбились и впелись в глаз. Боль от левого глаза отдавала в нервы, голова гудела, и он видел, как кровь капала из-под пальцев, прижатых к лицу.

Гао Цюн стоял на полу, встряхивая рукой.

— Слово «добрый» из твоих уст звучит отвратительно, — сквозь зубы произнес Гао Цюн. — Не думай, что я не знаю, что случилось с теми детьми, которые пришли с тобой в тот день... Никто из них не выжил!

Лян Цзюньцзы дрожал от боли, и только с помощью других смог подняться на ноги. Он не стал отвечать Гао Цюню, а лишь повернулся к сопровождающим, сказав, что из-за чрезмерного возбуждения «Семени» №2 план стоит временно приостановить, чтобы избежать травм участников эксперимента.

Гао Цюн снова увидел Лян Цзюньцзы только через две недели.

Тот сидел в его комнате с забинтованным левым глазом, ожидая его.

Увидев Лян Цзюньцзы, Гао Цюн почувствовал неловкость. Он боялся, что из-за него тот ослеп.

— Все в порядке, — первым заговорил Лян Цзюньцзы. — Зрение немного ухудшится, но я не ослепну.

Гао Цюн стоял перед ним, опустив взгляд:

— Зачем ты снова пришел? Я не буду спариваться ни с кем, не участвую в твоих планах по размножению. Убирайся.

Услышав, как он называет это «спариванием», Лян Цзюньцзы невольно улыбнулся.

— Твои гены очень сильны, даже на меня они влияют, — тихо сказал он. — Разве не здорово продолжить сильные гены?

— Мои гены ненормальные, их не стоит продолжать, — холодно ответил Гао Цюн. — Разве ты не видел выражения лиц тех женщин? Я монстр, кто захочет спариваться с монстром?

— Я тоже монстр, — сказал Лян Цзюньцзы. — Я готов спариваться с тобой.

Он говорил быстро, и на его лице снова появились фанатизм и одержимость.

— Я знал о тебе давно, давно тебя понимал. Ты мне нравишься, нет... Я люблю тебя. — Он улыбнулся и схватил Гао Цюна за руку, но тот тут же вырвался. — Я готов отдать за тебя все, это правда.

Гао Цюн почувствовал, как по коже пробежал холодок.

Но в этом холодке была и странная примесь удивления, которую он не мог объяснить.

Лян Цзюньцзы встал и поцеловал его.

Гао Цюн почувствовал, что его губы были холодными и слегка дрожали.

— Я неплохой человек, — тихо сказал Лян Цзюньцзы. — Мое ментальное тело — тибетская антилопа, и оно вполне сочетается с твоим волком.

Гао Цюн закрыл глаза.

Он вдруг вспомнил того окоченевшего мунтжака, стоявшего на ярко-зеленом искусственном газоне.

Лишь спустя годы он узнал, что это был мунтжак, маленькое животное, вымершее несколько десятилетий назад.

Он хорошо запомнил те почти прозрачные на солнце маленькие ушки и круглые глаза мунтжака.

Гао Цюн оттолкнул Лян Цзюньцзы.

Он покачал головой, тихо сказал «прости» и вытолкнул его за дверь, сразу же закрыв ее.

Впервые столкнувшись с чьим-то признанием в любви, он чувствовал растерянность и удивление. Ненависть к Лян Цзюньцзы была скрыта за этой растерянностью, и он не мог разобраться в своих чувствах.

Гао Цюн присел на корточки, раздраженно почесав голову. Волк стоял рядом, облизывая его лицо. Гао Цюн обнял его за шею и неуверенно спросил:

— По сравнению с тибетской антилопой, тебе больше нравится мунтжак, да?

Волк не ответил, лишь продолжал облизывать его.

После того, как Гао Цюн отверг его, Лян Цзюньцзы не изменил своего отношения к нему. Он по-прежнему ежедневно проверял его физическое и психическое состояние, ища подходящий момент для продолжения плана по размножению.

Гао Цюн категорически отказывался, но помощник Лян Цзюньцзы напомнил ему:

— Это всего лишь один из методов. Если ты действительно не хочешь, мы можем извлечь твою сперму и провести искусственное оплодотворение. Это не проблема.

Однако Лян Цзюньцзы, казалось, настаивал на том, чтобы все прошло естественным путем, и не поднимал вопрос о искусственном оплодотворении. Иногда, когда Гао Цюн отправлялся на тренировки в ледяные пустоши, Лян Цзюньцзы тоже следовал за ним.

Его тибетская антилопа была гораздо крупнее волка Гао Цюна и любила смотреть на него свысока с надменным выражением. Волк, находясь под влиянием настроения Гао Цюна, не провоцировал конфликтов и полностью игнорировал Лян Цзюньцзы и его антилопу, даже не глядя в их сторону.

Тренировки Гао Цюна уводили его все дальше, и однажды он наконец достиг границы Антарктического материка. Его волк был в восторге, прыгая и бегая по снегу в ночной тьме. Северное сияние, словно огромный занавес, медленно колыхалось на темном небе, легкое и мягкое, как вуаль. Вдали, на самом краю неба, мерцали редкие звезды, светясь едва заметным светом.

Гао Цюн стоял на краю, слушая глухой шум волн.

Он снова ясно осознал, что не сможет сбежать. Это был остров, и он был самым слабым человеком на этом острове. На этой огромной планете жили триллионы людей, но никто не придет ему на помощь. Он был одинок, в этом море, в этой снежной пустыне, под небом света и тьмы, он всегда был один.

Как в ту дождливую ночь, когда учитель из приюта нашел его у двери.

Брошенный. Брошенный всеми.

Волк тоже почувствовал его подавленное настроение и, уткнувшись головой в его ноги, начал неуклюже тереться о него.

Гао Цюн присел, обняв его голову и потирая уши. Когда он обернулся, то увидел Лян Цзюньцзы, стоявшего позади их группы.

Лян Цзюньцзы знал, что Гао Цюн его ненавидит, и всегда держался на расстоянии, когда сопровождал их. Осознав, что Гао Цюн обернулся, он улыбнулся ему.

Над головой промелькнула метеорная вспышка, и охранники радостно засмеялись.

Гао Цюн крепко обнял своего волка, глядя на Лян Цзюньцзы, но не ответил ему. Однако в глубине души он понимал, что в его мире, где не было ни общения, ни друзей, Лян Цзюньцзы был той самой «Искрой», упавшей с неба без предупреждения.

Через несколько дней Гао Цюн с удивлением обнаружил, что людей на научной базе стало намного меньше. Никто больше не приходил к нему в комнату, чтобы заставить пройти обследование, и даже Лян Цзюньцзы, который каждый день заходил поздороваться, исчез.

Оставшиеся на базе люди торопливо ходили туда-сюда, и Гао Цюн, медленно идя по коридору, заметил, что они упаковывают вещи и сохраняют данные.

Он замер на мгновение, а затем побежал наверх.

Кабинет Лян Цзюньцзы находился на верхнем этаже.

Там никого не было, и дверь в кабинет Лян Цзюньцзы оказалась незапертой. Гао Цюн легко вошел внутрь.

Стол и шкафы с документами были в беспорядке, и на столе он увидел несколько бумаг и газет.

«Закон о правах человека официально принят: восемь исследовательских баз по изучению генов человека по всему миру закрыты навсегда».

«Раскрытие “новых людей” вызывает панику: если они люди, то кто мы».

«По всему миру проходят демонстрации сторонников земного национализма».

Он взял газету и внимательно прочитал статью о демонстрациях, в подзаголовке которой было написано: «Судьба новых людей вызывает бурные обсуждения».

Гао Цюн почувствовал, как холод пробежал по спине и ударил в голову.

Под «новыми людьми», вероятно, подразумевались такие, как он и Лян Цзюньцзы, а «судьба» означала жизнь или смерть.

Он тут же схватил документы и быстро просмотрел их.

Некоторые были на английском, и он не смог их прочитать, но один документ с красной печатью «Совершенно секретно» он понял.

Во всем мире было восемь исследовательских баз по изучению генов человека, включая базу 010 в Антарктиде, где находился Гао Цюн, и базу 012, где жил Лян Цзюньцзы. Все восемь баз были закрыты в один день, все исследователи подверглись карантину, а все материалы исследований должны были быть запечатаны и переданы на проверку комиссии ООН. Что касается новых людей, как объектов исследования, то их должны были полностью изолировать и закрыть.

<http://bllate.org/book/16847/1550511>